

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ (КОГНИТИВНАЯ VS. ГЕНЕРАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА)

В современной лингвистической литературе все чаще встречается определение «когнитивный»: когнитивная лингвистика, когнитивный подход к изучению языка, когнитивное изучение дискурса и т.д., однако единство в трактовке содержания этого понятия наблюдается далеко не всегда. В предлагаемой статье мы попытаемся проанализировать некоторые подходы к понятию «когнитивная лингвистика» и его соотношения с генеративной теорией.

В статье «Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа)» Е.С.Кубрякова подробно анализирует течения и направления в лингвистике второй половины XX века и предлагает три возможности интерпретации происходящих в современной лингвистике процессов:

- в исследовании языка преобладают интеграционные тенденции, благодаря которым формируется новая парадигма научного знания, синтезирующая подходы, развивавшиеся до настоящего времени как самостоятельные подходы с разной ориентацией;

- каждая из школ продолжает свой собственный путь развития, демонстрируя разные предметные области исследования и являя собой отдельную (малую) парадигму научного знания. Современная лингвистика является полипарадигмальной;

- в современной лингвистике происходит консолидация всех парадигм знания, противопоставленных генеративной грамматике, их синтез и, таким образом, оппозиция генеративного и постгенеративных направлений, вместе взятых [4, С.227-228].

Е.С.Кубрякова склоняется к последней точке зрения на сложившуюся ситуацию. Нам представляется целесообразным высказать некоторые соображения в пользу двух других предложенных возможностей интерпретации процессов в современной лингвистике.

I. Многие современные лингвисты, мнения которых изложены в работе Е.С.Кубряковой [4, С.225-226], полагают, что лингвистическая тео-

* © Гончарова М.А., 2000.

рия на современном этапе является полипарадигмальной. На основе анализа различных лингвистических концепций конца XX в. делается вывод об их принципиальной неоднородности.

К такому же выводу, на наш взгляд, можно придти, если рассматривать лингвистику не «изнутри» – как науку о языке в различных ее версиях, – а «снаружи» – как одну из форм человеческой деятельности, и сравнить ее с другими видами и формами деятельности человека в современной нам действительности.

Отличительной чертой социальной жизни второй половины XX века является, пожалуй, многообразие. Оно проявляется во всех сферах жизни общества: в экономике, где мы наблюдаем многообразие форм собственности и методов регулирования; в политике, когда мы говорим о сосуществовании и сотрудничестве государств с самыми различными формами правления¹; наконец, в такой, на первый взгляд, несерьезной форме отражения общественного сознания, как мода: в конце XX века мода впервые отказалась от диктата и «разрешила» носить то, что нравится каждой конкретной личности.

Наука вообще и наука о языке, в частности, являясь специфической формой человеческой деятельности, просто не может не подчиняться ставшему всеобщим требованию многообразия².

Д.И.Руденко и В.В.Прокопенко, анализируя ситуацию в современной философии языка, приходят к выводу, что всей современной гуманитарной науке присущ комбинаторный характер, который является «проявлением общекультурной ситуации современного мира» [5, С.128]. По их мнению, современной гуманитарной культуре, «мозаичной» по определению, присущ стиль «гармоничной – стремящейся к гармонии – эклектики» (или даже promiscuity) [5, С.138]. На первый план в новой парадигме – эпистеме – современной культуры выходит «взаимодействие-игра (отчасти осознаваемое социумом) возникших или созданных в языке или через язык возможных миров. Игра, в которой не предполагается жесткое, тем более априорное, доминирование какого-либо из языковых пространств, превращение его в «наилучшее», наиболее гармоничное. Гармония мира современной культуры достига-

¹ Одним из ярких примеров проявления многообразия в политической жизни общества является новое понимание демократии, к которому вплотную подошли европейские страны: демократия не как власть большинства, а как учет интересов всех политических групп и социальных слоев.

² Следует отметить, что и в иные эпохи лингвистика существовала не обособленно, а была теснейшим образом связана с другими сферами общественной жизни. В частности, едва ли можно признать случайным тот факт, что структурализм в лингвистике возник после открытия строения молекулы в физике.

ется скорее через комбинирование, диалог, разногласие множества языковых «возможных миров». Это то совершенство мира, которое состоит прежде всего в процессе его совершенствования» [5, С.141].

Мы склоняемся к точке зрения, что ситуация в современной лингвистике аналогична описанной выше ситуации в современной гуманитарной культуре. Современная лингвистика отличается мозаичностью – многообразием теорий и подходов, среди которых довольно сложно выделить доминирующие. Эту мозаичность (комбинаторность) можно трактовать как полипарадигмальность, рассматривая каждую теорию как отдельную парадигму знания, а можно – шире – как отличительную черту новой парадигмы.

П. Д.И.Руденко и В.В.Прокопенко, определив характер и отличительные черты новой парадигмы современной культуры, не дают ей названия. Е.С.Кубрякова называет новой парадигмой в языкознании когнитивизм, понимая его как консолидацию некоторой части существующих в современной лингвистике малых парадигм знания (а именно, тех, которые противопоставлены генеративной грамматике). Попытаемся проанализировать другие трактовки термина «когнитивизм».

Применительно к лингвистике термин «когнитивизм» стал широко использоваться во время становления генеративной (трансформационной) грамматической модели Н.Хомского. Н.Хомский объявил генеративную грамматику частью когнитивной лингвистики, которая, в свою очередь, является частью общей когнитивной психологии, поскольку лингвистика «пытается установить определенные общие свойства человеческого интеллекта» [7, С.39]. В генеративной грамматике четко различаются «компетенция» – знание языка (*competence*) и «употребление» – использование языка в речевой деятельности (*performance*). Генеративная грамматика занимается языковой компетенцией, ее задача – выявить из данных употребления лежащую в их основе систему правил [6, С.9-10]. Некоторая часть этой системы правил является врожденной («универсальная грамматика»), она задает жесткую схему, которой должен подчиняться любой человеческий язык. Генеративная грамматика пытается выяснить, как представлено языковое знание в голове индивидуума [7, С.76].

Такое понимание термина «когнитивизм» свойственно не только Н.Хомскому. Например, В.З.Демьянков пишет: «Когнитивная лингвистика» – филиал когнитивной психологии, использующей арсенал переработки языковой информации для построения моделей, имитирующих внешние проявления человеческого поведения при решении интеллектуальных задач» [3, С.18]. В сферу жизненных интересов когнитивной лингвистики, по его мнению, входят «ментальные» основы понимания

и продуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания представляются («репрезентируются») и участвуют в переработке информации [3, С.21].

Развивающиеся в таком ключе теории (в том числе, генеративная грамматика), безусловно, являются когнитивными.

Е.С.Кубрякова подчеркивает огромную роль генеративной грамматики в возникновении когнитивной науки и пишет далее: «... генеративная парадигма знания заняла затем лишь одну из ниш когнитивного подхода и отнюдь не может быть отождествлена с когнитивизмом в целом» [4, С.195]. Когнитивизм, по мнению Е.С.Кубряковой, «не только позволяет подключение к его исследовательской программе проблем, связанных с дискурсом, актами коммуникации и т.п., но и диктует рассмотрение речемыслительной деятельности в целом с новых позиций» [4, С.228], он может служить, а частично уже и служит, «интегрирующим фактором для объединения таких концепций, как лингвистика текста, теория речевых актов, дискурсивный анализ, многих грамматических концепций и т.п.» [4, С. 229]. Этот тезис перекликается с позицией Т.А. ван Дейка: «В качестве одного из компонентов общей теории коммуникативно-языкового воздействия выступает *когнитивная теория* употребления языка. Эта теория должна не только открывать доступ к процессам и структурам, обеспечивающим продуцирование, понимание, запоминание, репродуцирование и другие виды когнитивной обработки предложения и высказывания, но и объяснить, как происходит планирование, производство и понимание *речевых актов*» [1, С.12].

Такое широкое понимание когнитивной лингвистики, на наш взгляд, правомерно. Оно хотя и отличается от первоначального употребления термина, тем не менее не противоречит значению слова «когнитивный», поскольку планирование, производство и понимание речевых актов имеет самое непосредственное отношение к когнитивной способности человека. Однако далее Е.С.Кубрякова ограничивает предмет когнитивной лингвистики только (нео)функционализмом и теорией речевых актов, причем «консолидацию всех противопоставленных генеративной грамматике парадигм» она трактует как «становление новой, неофункциональной, или конструктивной (постгенеративной) парадигмы знания..., определяющей чертой которой оказывается удачный синтез когнитивного и коммуникативного подходов к явлениям языка» [4, С.228].

Таким образом, из сферы интересов когнитивной лингвистики исключаются проблемы переработки информации, то есть именно те вопросы, которые в первоначальной версии когнитивной науки составляли ее предмет. Генеративная грамматика рассматривается как теория, которая сначала сыграла ведущую роль в становлении когнитивной лингвистики, затем заняла одну из ниш когнитивизма, а к настоящему

моменту уже сложилась как законченное учение и – далее не совсем ясно из работы Е.С.Кубряковой – либо постепенно прекращает свое существование, либо занимает в современной лингвистике место вне рамок когнитивной теории. С такой позицией трудно согласиться.

Генеративная грамматика за время своего существования претерпела очень сильные изменения, однако они касаются прежде всего ее формального аппарата. Философия этой теории практически не изменилась: генеративисты по-прежнему пытаются разгадать тайну «универсальной грамматики» и выяснить, как языковое знание представлено в мозгу индивидуума, т.е. они по-прежнему исследуют когнитивную деятельность человека, а генеративная грамматика все так же является когнитивной теорией [8]. Что же касается формального аппарата генеративной грамматики, то он постоянно совершенствуется. Сами генеративисты говорят, что их теория находится в становлении. Генеративная грамматика сегодня не занимает той доминирующей позиции в лингвистике, которую она занимала в середине 60-х гг., однако делать вывод о том, что это направление исчерпало себя, на наш взгляд, еще рано. В 1995 г. вышла в свет книга Н.Хомского «Минималистская программа», которая вновь заставила лингвистический мир заговорить о генеративной теории и которая представляет собой новый этап в ее развитии, попытку преодолеть недостатки предшествующих версий. По мнению В.З.Демьянкова, позиции генеративной грамматики сегодня более прочны, чем когда-либо, ведь о доминировании свидетельствует не только и не столько число сторонников теории, но и то обстоятельство, что даже предлагая негенеративную теорию, лингвисты очень часто стремятся продемонстрировать ее преимущества перед генеративной грамматикой [2, С. 251].

Принимая во внимание вышесказанное, мы не можем согласиться с Е.С.Кубряковой в том, что новая парадигма в лингвистике – когнитивизм – является постгенеративной. На наш взгляд, генеративная концепция входит составляющей частью в современную лингвистику. Кроме того, современные не-генеративные направления, характеризующиеся когнитивным подходом к исследованию языка, по нашему мнению, далеко не всегда *пост*-генеративны. В частности, отечественная версия когнитивной лингвистики развивалась достаточно обособленно и могла испытать на себе лишь опосредованное влияние как достоинств, так и недостатков генеративной грамматики.

Что касается консолидации всех парадигм знания, противопоставленных генеративной грамматике, то – здесь мы соглашаемся с мнением В.З.Демьянкова – когнитивизм в таком понимании служит знаменем для крестовых походов, в которых различные научные школы объединяются лишь для того, чтобы разгромить общего врага [3, С.21]. Консолида-

ция различных парадигм знания, по нашему мнению, должна происходить на конструктивной основе, т.е. речь должна идти не о консолидации лингвистических направлений, противопоставленных чему-либо, а о консолидации теорий, имеющих нечто общее или могущих органично дополнять друг друга.

Мы полагаем, что когнитивизм, понимаемый широко (включающий в себя, с одной стороны, теории, занимающиеся процессами и структурами, обеспечивающими различные виды когнитивной обработки предложения (в т.ч. генеративную грамматику), с другой стороны, самые различные коммуникативные теории), вполне мог бы претендовать на то, чтобы стать новой парадигмой языкознания, поскольку все современные исследования в лингвистике с тех или иных позиций затрагивают вопрос о когнитивной деятельности человека.

Таким образом, есть все основания для того, чтобы ситуацию в современной лингвистике трактовать двояко. Во-первых, современную лингвистику можно считать полипарадигмальной, понимая каждую лингвистическую теорию как отдельную парадигму. Во-вторых, полипарадигмальность («комбинаторность», «мозаичность») можно рассматривать как отличительную черту новой парадигмы в языкознании. Новую парадигму языкознания можно назвать когнитивизмом, понимая этот термин широко – как синтез всех лингвистических теорий, с разных сторон и в разной степени исследующих проблемы когнитивной деятельности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейк Т.А. ван. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимания речевых актов // Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – С.12-40.
2. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX в.: Сб. статей. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С.239-320.
3. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // ВЯ.– 1994. – № 4. – С.17-33.
4. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX в.: Сб. статей. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С.144-238.
5. Руденко Д.И., Прокопенко, В.В. Философия языка: путь к новой эпистеме // Язык и наука конца XX в.: Сб. статей. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С.118-143.
6. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. – М.: Издательство МГУ, 1972. – 259 с.
7. Хомский Н. Язык и мышление. – М.: МГУ, 1972. – 122 с.
8. Хомский Н. Язык и проблемы знания // Вестник МГУ. Сер.9. Филология № 4. – 1995. – С.131-157.